

Монитор жизненных показателей, насос для внутривенных вливаний, аппарат искусственной вентиляции легких, шприцевой насос... Мигали зеленые огоньки различных приборов. Врачи и медсестры, облаченные в изоляционные халаты, негромко переговаривались и сверялись с цифрами на аппаратуре.

Все это когда-то было ему очень знакомо.

Это была больница, в которой когда-то работали он и его мать, и поэтому его доступ в отделение интенсивной терапии и время пребывания в нем не ограничивались.

Он подождал, пока пожилой человек крепко уснет, и только после этого вошел в комнату для переодевания за пределами отделения интенсивной терапии и снял изоляционное одеяние.

"Главные врачи различных отделений внимательно следят за болезнью старейшины Гу. Нефрология даже пригласила в 301-й военный госпиталь Дун Чантинга. Он считается авторитетом и ведущим профессором в центре трансплантации". Рядом с ним тихим голосом говорил доктор Ляо, у которого всегда были хорошие отношения с ним. "Ситуацию можно назвать не очень хорошей, но вы уже были в этой профессии и должны быть в состоянии принять все, что произойдет".

Когда Дун Чантин пришел сегодня, он заранее договорился поужинать с Гу Пиншэном.

Гу Пиншэн намеренно не пришел.

Что касается этого человека, то Гу Пиншэн, вероятно, оставил все обиды на него после подросткового возраста. В детстве, когда он вместе с матерью вернулся в Китай, в его сердце еще теплились какие-то надежды и ожидания, а после того, как он раз за разом упускал возможность увидеться с ним, в нем даже зародилась горечь.

И за этой горечью скрывалось очень ясное и очевидное чувство неуверенности и неполноценности.

Для подростка само слово "отец" заключало в себе силу, которую невозможно было подавить. Кроме того, этот человек действительно был очень выдающимся, настолько выдающимся, что у Гу Пиншэна, в то время обычного ученика католической школы, возникло чувство неадекватности и заниженной самооценки из-за того, что его отвергли.

Но после того, как он пережил тот возраст, когда чувствовал недоумение и колебания по поводу будущего, сила, которой обладало это слово, естественным образом рассеялась.

Ничего не ответив, он передал изоляционный халат молодой медсестре. На его теле были следы влаги от пота.

"Почему ваша жена не приходила все это время?" Доктор Ляо тоже передал свой халат.

"Мы еще официально не поженились, так что это не очень подходит".

"Когда я проходила у вас практику, вас можно было назвать красавцем факультета. Никогда бы не подумала, что вы будете очарованы молодой девушкой". Доктор Ляо усмехнулся. "Но эта малышка действительно замечательная девушка. Просто посмотрите на количество разводов после атипичной пневмонии. Такие вещи - это не то, что можно просто сказать, что ты смирился с этим, а потом это случится. Я спрошу: чего ты ждешь, не женишься все это время?".

"Она еще не закончила университет". Его тон, когда он отвечал, был спокойным, как тихая вода. "После того, как она успешно окончит университет, мы поженимся".

Доктор Ляо сказал "ох" и нажал на выключатель, управляющий стеклянной дверью.

Когда дверь медленно открылась, он, наконец, закончил свои размышления и, слабо улыбнувшись, похлопал Гу Пиншэна. "Родился в 90-х?"

Этот вопрос действительно заставил Гу Пиншэна растеряться.

После того как он вышел из больницы и сел в такси, он снова задумался над этой фразой.

С тех пор как он начал преподавать в классе Тун Яня, он заметил, что это поколение студентов было очень уникальным. Он вырос не в деревне, но если сравнивать подход к жизни Пинфана и этих учеников, то они действительно были очень далеки друг от друга.

Он отчетливо помнил, как однажды он увидел девушку с розовыми волосами и бантом небесно-голубого цвета, вбежавшую в кабинет, чтобы попросить преподавателя курса "Основы права" "дать ей немного послабления", и ему вдруг захотелось рассмеяться.

А еще там были розовые любовные письма с вырезами в форме сердца, которые он получил, когда учил Тун Янь.

Когда Гу Пинфань увидела их, она вздохнула и подумала, что в прошлом, если бы что-то подобное и произошло, то это было бы, в лучшем случае, анонимное признание в чувствах. Однако сейчас дети вели себя так, словно боялись, что люди не узнают об их влюбленности в учителя...

Но, в конце концов, они все еще были детьми.

Откинувшись на спинку переднего пассажирского сиденья, он вспомнил те слова, которые она

когда-то сказала: "иметь ребенка, который сможет скучать вместе со мной".

Большой ребенок воспитывает маленького?

Похоже, одного было недостаточно. Предположительно, иностранные граждане в Китае не имеют ограничений в планировании семьи. Но Пинфань также упомянул, что если оба родителя сами были единственными детьми, то паре разрешат иметь двоих детей.

В этом случае, включая ее, их будет трое. Ответственность за обеспечение еды, одежды, жилья и других необходимых вещей для троих детей ляжет на него.

Похоже, это была действительно хорошая идея.

Тун Янь оставила это предложение на стене.

Беспокоясь, что глаза слишком опухли, она все же позвонила бабушке и сказала, что, возможно, вернется домой поздновато. К счастью, была зима, и мясо не нужно было сразу класть в холодильник. Так что, неся пакет с курицей, капающей кровью, она отправилась в KFC, расположенный неподалеку от общинного комплекса, чтобы позаботиться об ужине для себя.

Неизвестно, из-за курицы или из-за того, что ее лицо распухло после удара, но, когда она делала заказ, обслуживающий персонал бросил на нее несколько лишних взглядов.

Стоя возле раковины, она смочила салфетку в холодной воде. Затем она выбрала столик в углу и села, прижимая влажную салфетку к щеке, пока грызла острое куриное крылышко.

Стеклянная стена перед ней выходила на дорогу, а также на главный вход в общественный комплекс, который находился напротив.

Откусив два куриных крылышка, она случайно заметила такси, остановившееся перед магазином свежих фруктов, и интуиция подсказала ей, что это он возвращается домой. Как и было предсказано, человеком, который вышел из низкого салона машины и быстро выпрямился, оказался Гу Пиншэн.

Зажав крыло между зубами, она достала мобильный телефон и быстро воспользовалась режимом selfie камеры, чтобы рассмотреть собственное лицо.

Оно было совершенно прекрасным. Конечно, ее тело было таким, что выдерживало атаки.

Тот человек вдалеке выбирал фрукты с опущенной головой, а жена владельца фруктового магазина что-то держала в руках и болтала с ним. Из-за своего роста он вежливо склонил

голову, чтобы посмотреть, как разговаривает жена лавочника.

Тун Янь отправил ему текстовое сообщение: Я поздно освободилась с работы. Очень бедный я. Я сейчас ем нездоровый фастфуд.

Она видела, как он на той стороне дороги достал из кармана мобильный телефон и посмотрел на него.

Она продолжала доедать свои куриные крылышки, но ее взгляд был прикован к нему. Хотя стекло было немного грязным, это не мешало ей любоваться красотой.

Убрав мелочь, которую протягивала ему жена продавца, Гу Пингшенг сунул бумажник и телефон обратно в карман брюк. Только что купленные фрукты он положил на один из прилавков.

Затем он повернулся и стал переходить дорогу по пешеходному переходу. На полпути ему попался красный свет, и он встал среди огромной толпы людей, терпеливо ожидая, пока красный свет загорится зеленым.

Возможно, потому, что ранее она пережила очень неприятную ситуацию, сейчас, когда она наблюдала за ним, он - такой замечательный и прекрасный человек - создавал такую идеальную картину. От одного только взгляда на него у нее заколотилось сердце.

Увидев ее, он не стал заходить внутрь, а встал с внешней стороны стеклянной стены и смотрел на нее, слегка нахмутив брови.

Тун Янь вытерла рот салфеткой и тихо сказала ему: "Я была не права. Я больше не буду есть нездоровый фастфуд".

Она не знала, о чем он думает, но, так или иначе, он промолчал.

Тун Янь подняла пакет с куриным мясом и, словно преподнося сокровище, засияла. "Тушеная курица с каштанами".

Гу Пиншэн слегка приподнял брови, в его глазах появилась улыбка, но он продолжал молчать.

Позади него случайно появился автомобиль, фары которого вскоре промелькнули рядом с ним. Она еще хотела что-то сказать, но вдруг он открыл рот и коротко произнес три слова: "Пойдем домой".

Кивнув, она быстро убрала свой мобильный телефон и выбежала из KFC.

По своему волнению она была похожа на маленького ребенка, который забыл ключ, и после ожидания и ожидания ее родитель наконец-то вернулся домой...

В тот вечер, стоя под душем в ванной комнате, она все еще задавалась вопросом, когда она стала настолько способной просто отпустить ситуацию. Инцидент произошел всего несколько часов назад, но ей казалось, что прошла целая жизнь. Казалось, что все, что не связано с Гу Пиншэном, не должно ее волновать.

Когда она вышла, завернувшись в банное полотенце, Гу Пиншэн сидел у эркера и читал какой-то материал.

В тот самый первый раз, когда он впервые привел ее посмотреть квартиру, им обоим больше всего понравился большой эркер в спальне. С толстым ковром из овчины, низким столиком и несколькими подушками он превратился в небольшое пространство для чтения и чаепития.

Гу Пиншэн был одет в серые хлопчатобумажные тренировочные штаны и сидел там босиком, прислонившись спиной к стеклу окна. Возле его ног и на низком столике были разбросаны всевозможные документы. Поскольку он работал над аргентинским проектом, все эти ксерокопии были на испанском языке.

Это был человек, которому очень шла профессиональная этика и честность. Поскольку все проекты, которыми он занимался, были конфиденциальными, естественно, все материалы, которые он приносил из офиса, предпочтительно были такими, которые люди не смогли бы понять, даже если бы увидели их. За последнее время она видела много таких материалов, поэтому, хотя она и не знала смысла их содержания, она все же могла распознать написанное.

Когда она подошла к нему, он, наконец, поднял голову из всех этих разнообразных документов.

"Это такое преимущество, если ваш родной язык - английский. Вы можете потратить немного усилий на изучение других языков". Копируя его, она босиком подползла к окну и, ухмыляясь, ткнула его ногой. "Сэр, вам нужен массаж ног?".

Она уже несколько дней экспериментировала над ним и даже, держа в руках распечатанные листы с инструкциями, выглядела очень правильной и знающей, пока запоминала приемы и точки воздействия. Теперь она помнила их почти все, и ее манера поведения была как у мастера традиционной китайской медицины.

Гу Пиншэн не смог сдержать смеха. "Сегодня вечер пятницы. Давай отдохнем денек, хорошо?".

"Я не могу позволить себе расслабиться". Тонг Янь довольно обиженным тоном убеждал: "Практика приносит истинные знания. Разве ты не заметил, что я больше не держу в руках карту акупунктуры? Говорю тебе, ты должен быть благодарен. На днях несколько судей в моем здании суда жаловались, что сейчас в местах массажа ног на улице срезают углы и используют костяшки пальцев для массажа. Все меньше и меньше таких добросовестных, как я, которые

используют подушечки пальцев для массажа, понимаете?".

Он поднял белый флаг в знак капитуляции, позволяя ей, этому новичку, который даже не был настолько искусен, как подмастерье, практиковаться на нем.

"Я хочу пойти научиться водить машину". После того, как она выполнила все шаги, ее пальцы уже немного болели. Она подражала ему и прислонилась спиной к окну, когда ей в голову пришла неожиданная мысль. "Таким образом, если в семье возникнет какое-то срочное дело и мы не сможем поймать такси, то останется еще один человек, который сможет водить машину".

"Нет необходимости специально учиться водить машину. Если что-то случится, есть еще Пинфань".

Он действительно не старался быть любезным...

Тун Янь чувствовал, что Гу Пинфань может сойти с ума от разочарования из-за этой маленькой кухни. "Что если Пинфань однажды выйдет замуж? Или случится так, что ее не будет в Пекине? Она не сможет всегда приезжать, когда ты позвонишь".

Наконец он сдался. "Ты можешь подождать, пока погода немного потеплеет".

Она, однако, не могла дожидаться начала. "Как насчет того, чтобы начать в эти выходные? Воспользуйся этим временем, пока я еще на стажировке и относительно бездельничаю".

Если Гу Пиншэн не сдаст экзамен на водительские права в Китае, он больше не сможет водить машину. Поэтому она отнеслась к этому делу как к своему собственному заданию и была гораздо более серьезной и старательной, чем кто-либо другой в ее автошколе. Но только когда она приступила к выполнению своего задания, она обнаружила, что китайские автошколы крайне ненадежны. В общем, если она хотела быть способной без проблем выехать на дорогу, ей нужно было каждый вечер искать уединенное место, чтобы заниматься с Гу Пиншэном.

Инструктор, который ее обучал, любил поболтать и даже спросил, кем работает ее парень.

"Адвокат". Она улыбнулась: "Он работает в той же сфере, что и я".

"Это здорово. Я порекомендую ему несколько дел в будущем. В наше время люди обожают судебные иски. У меня довольно много соседей, которые постоянно ищут адвоката, который будет вести за них судебные дела. Вы знаете, все эти вещи, такие как недвижимость, алименты и содержание детей. Seriously, люди все больше и больше торгуются из-за мелочей".

"Он не квалифицирован представлять кого-либо в судебном разбирательстве... Он - адвокат. Он предоставляет юридические консультации, не связанные с судебными разбирательствами". Тун

Янь не мог придумать, как объяснить. "То есть, когда люди инвестируют в проект, он помогает им изучить контракты, соглашения, юридические переговоры и тому подобное".

Она не могла точно сказать, чем он занимается каждый день.

Она только вспомнила один случай, когда она пошла подождать его с работы. Секретарь отдела объяснила ей, что у него еще была видеоконференция по поводу юридических переговоров вокруг инвестиций в хедж-фонд. Когда она подошла к двери кабинета Гу Пиншэна, дверь из матового стекла в конференц-зал напротив оказалась открытой.

В этом конференц-зале все были опытными солиситорами, одетыми в костюмы единого черного цвета. Его спина, идеально выпрямленная, была обращена к ней, и, кроме того, в его голосе звучали спокойствие и уверенность, которых она никогда раньше не слышала. "Приведенные здесь поправки не соответствуют рыночной конвенции. Мы отказываемся принимать такие неоправданные требования..."

Остаток его слов оборвала медленно закрывающаяся стеклянная дверь.

Вечерние переговоры затянулись допоздна. Только когда она полностью уничтожила в своем животе все крекеры в его кабинете, встреча, наконец, подошла к концу. Вернувшись в кабинет, он развязал галстук, бросил его на стол и сел, все его тело излучало усталость.

Тонг Янь стало больно видеть его в таком состоянии, и она, присев рядом с ним, стала разминать его плечи и руки. Заметив, что его мысли все еще погружены в рабочие дела, она произвольно задала бессмысленный вопрос и прервала его размышления. "У меня никогда не было английского имени. Как вы думаете, какое имя было бы хорошим?"

Он размышлял над этим несколько секунд, затем ответил с улыбкой: "Ева".

"Ева?" Тонг Янь обдумал значение. "В смысле "вечер"?"

"Ева, библейский персонаж".

Она не могла подобрать слов. "Такое имя не очень подходит для обращения ко мне..."

"Если ты останешься и продолжишь работать в суде, то, вероятно, у тебя все равно не будет возможности использовать английское имя". Гу Пиншэну все больше и больше казалось, что это имя вполне подходит. "Мы можем просто использовать это имя дома".

Ева. Из-за истории о ребре это имя стало самым замечательным.

Повернув руль, Тун Янь продолжала слушать, как ее инструктор по вождению рассказывает о

всевозможных гражданских спорах, но мысли ее уже унеслись далеко-далеко.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/12100/2778920>